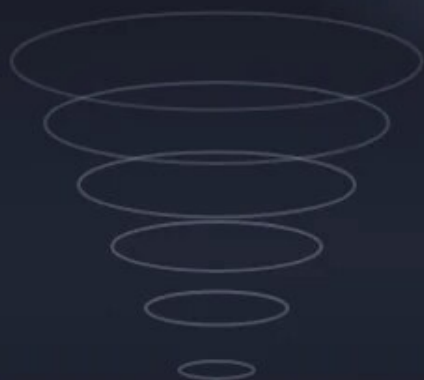

ПЁТР СОСНОВСКИЙ

— — — — — ◆ — — — — —

ЧЁРТ КРУТИТ

Рассказы

B I B L I O T E C A

Пётр Сосновский

Чёрт крутит

biblpipl.ru — библиотека Петра Сосновского

О трудностях, казалось, не стоило даже задумываться: я перебирался с «низу» на «вверх». В полном смысле этого выражения: с нижнего этажа, где располагался термический цех и где я работал калильщиком, на второй этаж работать инженером. В этом ничего не было странного, без отрыва от производства, я заканчивал институт. Меня, в связи с нехваткой инженерных кадров на заводе пригласили в отдел Главного металлурга.

До того как я окончательно дал свое согласие ко мне, разгоряченному, суматошно бегающему вокруг печи, чтобы вовремя загрузить ее деталями и в нужный момент, вытащив уже нагретые до белого каления металлическим длинным крючком, опустить с шипением в масляный бак, не один раз подходил начальник термической лаборатории Анатолий Никитич.

Он был человек полный и может быть, поэтому характера мягкого. Не намного старше меня и не намного выше меня ростом. Поэтому мне не приходилось смотреть на него снизу вверх. По прошествии какого-то времени я понял, что с ним работать можно. Чего нельзя было сказать о Лидии Ивановне, в распоряжение которой я попал. Папки с документами для начального ознакомления с обязанностями инженера-технолога она мне, можно сказать, бросила на стол. Долгое время вообще не обращала на меня внимания, ни каких поручений мне не давала, и я волей-неволей был вынужден сам проявлять инициативу или же обращаться к Анатолию Никитичу. При моем обращении к нему женщина на меня смотрела с большим неудовольствием и готова была в любой момент наброситься на нас обоих.

Лидия Ивановна, особа невысокого роста, худая с резким лицом, бросавшимся в глаза, была странной

женщиной. Ее поведение начальник лаборатории объяснял неустроенностью в жизни и советовал вести с ней «интеллигентно». Как «интеллигентно» он не говорил. Мне, приходилось самому решать, чего я мог позволить себе в ее присутствии, чего нет.

После, когда я со многими сотрудниками лаборатории был уже знаком, мне пришлось сделать для себя не маловажный вывод, что интеллигентно необходимо было вести не только в присутствии с Лидией Ивановной. Если покопаться хорошо в памяти, я мог кроме нее назвать еще несколько человек по характеру очень напоминающих мою начальницу. Лаборатория, да и не только она, отдел в основном был женским.

Отношения в лаборатории с людьми у меня были тяжелыми. Наверное, это было вызвано тем, что я не мог понять своей роли в коллективе, которую отвела мне Лидия Ивановна, и оттого совершал не те поступки, которых она от меня ждала. Не один раз я был на грани срыва. Моя начальница постоянно пыталась уличить меня в кознях якобы совершаемых против нее. Любые, непонятные для нее мои отношения с коллегами по работе, особенно с женщинами, вызывали у нее гнев. В конфликты она стремилась втянуть как можно большее количество людей. Ее докладные записки к руководству летели одна за другой. Не раз меня вызывали к Главному металлургу. Объяснять положение приходил Анатолий Никитич. Главный металлург, конечно, знал Лидию Ивановну и, выслушав вначале меня, а потом моего начальника, относился ко мне в какой то мере по-отечески, слегка пожурив.

В доверительных беседах со мной Анатолий Никитич всякий раз, когда назревал конфликт, заставлял меня

успокоиться:

—Бросьте Петр Петрович! Что вы так переживаете. Баба подурит и перестанет. Думаете, мне легко управляться, посмотрите вокруг: Лидия Ивановна «ягодка» не первой свежести, не замужем; Нина Павловна, вы ее знаете, разведена; Галина Александровна одна растит сына. Евдокия Алексеевна, который год старается найти себе спутника жизни... — хотите, я продолжу.

Не один раз я помышлял, что должность инженера не для меня, и готов был даже вернуться на прежнюю работу.

Однажды я спустился по ступеням вниз, в термический цех и увидел на своем бывшем месте рыжего парня. Он длинным металлическим крючком доставал из печи детали, на мгновение поднял голову, кивнул в знак приветствия и продолжил свое дело. Я буркнул ему: — «Привет!» — И, развернувшись, тут же ушел. Мне ничего не оставалось делать — работать инженером.

Правда, за успокоением я мог ходить и ходил на первый этаж и среди рабочих, своих друзей расслаблялся. Однако так долго продолжаться не могло. Конечно, мне были рады, но точек соприкосновения с каждой встречей становилось все меньше и меньше. Скоро я совсем перестал ходить к ребятам в цех, лишь только при необходимости. Комфортного состояния мне приходилось добиваться в том коллективе, в который я попал, дав согласие на переход в отдел Главного металлурга.

Анализируя свое положение в лаборатории, конечно по прошествии не одного года, я понял, что не один чувствовал неудовлетворенность. Однако таких людей было мало. Возможно, это было связано с моим характером. Хотя я, конечно, не был скандальным.

Напротив часто отмалчивался. Себя не выпячивал. Привыкание мое, если я попадал в какую-нибудь незнакомую обстановку, происходило обычно быстро, тому был полученный, хотя и не большой жизненный опыт. После окончания десятилетки я, прежде чем приехать из далекого села в большой город, прошел хорошую школу жизни в армии. Проблем связанных с общением у меня не было, даже в общежитии, куда меня поселили после трудоустройства на завод, хотя вместе со мной жили люди разных возрастов, а тут у меня ни как не получалось. Держался я, в коллективе, больше за счет Анатолия Никитича. Он помогал не только мне, но и другим моим коллегам.

Анатолий Никитич, так как коллектив был в основном женским, находился на положении своего рода «петуха». Конечно, зная его характер, я понимал, что начальник не мог позволить себе вести по донжуански плохо. Совет, данный им, когда-то мне «быть интеллигентным» распространялся и на него. Однако лукавая улыбка Анатолия Никитича, серые, начинавшие искриться глаза, все это когда он выдавал своим подчиненным задания, вселяло в сердца коллег-женщин надежду на что-то большее, чем простое отношение начальника к своим подчиненным.

Начальник лаборатории был не женат. И как я знал, не собирался обзаводиться семьей, так как считал себя убежденным холостяком чем-то сродни окружавшим его женщинам. С глазу на глаз, не знаю серьезно или нет, он мне однажды сказал, что если женится, то коллектив просто лопнет по швам.

Комната, где стоял мой рабочий стол, была большой и несколько шумной. В ней работало более десяти человек.

И все они были с характером. Анатолию Никитичу приходилось туго. Лидия Ивановна допекала не только меня. Из всех женщин, работавших в лаборатории, он от нее, наверное, страдал больше всех. Особенно в те дни, когда ей удавалось зацепить Галину Александровну, а еще хуже Нину Павловну. Та уж себя в обиду ни когда не давала. Шум был просто невыносимый. Их неудовольствие распространялось на всю комнату. Аура, можно сказать, была зловещей — гремел гром и летали молнии.

Не знаю, как бы я долго терпел неудобства работая с Лидией Ивановной, но скоро ситуация в лаборатории изменилась: к нам в коллектив пришли сотрудники из научно-исследовательского института. Их было трое. Предводительствовал мужчина лет тридцати пяти-сорока — Виктор Алексеевич. Он был на первый случай довольно ярок в своем светлом костюме. Его сотрудницы, две молодые девушки, выглядели тоже довольно импозантно.

Они, согласно подписанного с нашим заводом договора о сотрудничестве, должны были заняться совершенствованием технологии термической обработки деталей. С ними кто-то должен был работать. После безуспешных длительных летучек, всевозможных планерок и совещаний, Анатолий Никитич обратился к Лидии Ивановне о командировании меня для этой важной и ответственной работы. На что моя начальница, резко взглянув на него, при многих присутствующих, находящихся в нашей большой комнате со злобой в голосе выдала:

—Вот и хорошо! Пусть уходит! Такой специалист мне не нужен!

Так в большом коллективе образовался мини коллектив. Ситуация конечно неординарная. Однако это

новое образование не претендовало быть постоянным. Неудобства, которые испытывали сотрудники термической лаборатории, от нахождения в комнате чужих людей считались временными и поэтому мои коллеги как-то с этим мирились. Я же странно, но неудобств не испытывал, даже наоборот ощущал какое то удовлетворение.

Виктор Алексеевич был ведущим научным сотрудником института, кандидатом технических наук, автором новых довольно перспективных разработок. Он возглавлял сектор, в который входили приглянувшиеся мне девушки. Я познакомился с ними: темноволосую, с черными как у цыганки большими глазами, стройную и прямую в отношениях звали Еленой Михайловной; девушка несколько ниже ее ростом, светлолицая и полная представилась мне Мариной Сергеевной. Глядя на них, я некоторое время думал — чем не невесты для меня. Тогда я еще не был женат и в красивых девушках видел претенденток занять пустующее возле себя место.

В последствии Виктор Алексеевич стал мне, наставником, старшим моим товарищем, Елена Михайловна и Марина Сергеевна добрыми друзьями. Получилось это как-то незаметно без особых усилий, как с моей стороны, так и с их, во время знакомства с термическим цехом, оборудованием, технологией производства деталей. Часто бывая «внизу» рядом со мною Елена Михайловна и Марина Сергеевна довольно быстро превратились в Лену и Марину. Я обращался к ним запросто и без каких-либо затруднений. Они отвечали мне взаимностью.

Наш мини коллектив был на зависть Лидии Ивановне крепким и добрым. Порой мы встречались не только на работе, но и после — за стенами завода. Взаимоотношения

наши с каждым днем крепили. Ни кто не мог себе позволить обидеть рядом находящегося товарища. Аура от нашего общения распространялась и в какой-то мере влияла не только на нас самих, но и на моих коллег — сотрудников термической лаборатории. Они в течение нескольких лет работы Виктора Алексеевича, Елены Михайловны и Марины Сергеевны изменились, но как оказалось после — эти изменения были временными.

Наступил день, когда их работа была успешно закончена. Они простились, и ушли, и после этого положение в лаборатории вдруг резко ухудшилось. Так, наверное, всегда бывает. Я конечно тогда об этом не знал и мучился, ведь мне было хуже всех. Лидия Ивановна лютовала. Она не хотела меня признавать и брать в свою технологическую группу. В который раз мне снова помог Анатолий Никитич. Он переговорил с Главным металлургом. После чего нас разделили, разграничив наши обязанности.

Благодаря усилиям начальника лаборатории я стал старшим инженером. Казалось все шло не плохо. Однако так продолжалось не долго.

Однажды я обратился к Анатолию Никитичу за помощью. Одному мне было работать тяжело. Он, поразмыслив, перевел ко мне сотрудницу из группы Лидии Ивановны. Она, уйдя от нее, сделала плохо не только себе, но и мне. Начались частые скандалы. Они, меня угнетали. Я был своего рода мальчиком для битья. Роль не благовидная, может быть и полезная для коллектива, но только не для меня. Я снова стал подумывать о том, как бы мне уйти с завода и заняться какой-нибудь другой работой. Может быть, я и бросил бы свою специальность, ушел бы, но тут мне неожиданно позвонил Виктор

Алексеевич:

—Здравствуйте Петр Петрович! Как вы там поживаете? Что нового у вас? Изменилась ли ваша роль на заводе после нашего ухода?

Тут я конечно не сдержался. Разговор наш был в одни ворота. Говорил я, причем долго и горячо.

Виктор Алексеевич понял меня сразу же с первых слов, но прерывать не стал, пока я не выговорился. Потом он успокоил меня, вспомнив мое недавнее прошлое — защиту, сказал, что плохие специалисты дипломную работу на отлично не сдают, поэтому бросать мне работу из-за того, что в коллективе не все ладится, не стоит. После он пригласил меня к себе домой, в гости.

Однако в гости я к нему не поехал, но встретится, мы встретились и не где-нибудь, а у него в институте на конференции, куда меня вытащил Анатолий Никитич, за что я ему был очень благодарен. Увиделся я не только с Виктором Алексеевичем, но и с его сотрудницами: Леной Михайловной и Мариной Сергеевной. Они буквально сияли. Рад встрече был и я.

Девушки щеголяли с кольцами. Однако похвастаться перед ними женитьбой я не мог. На руке у меня был перстень, но совершенно не такой, который носят обрученные люди. Я был холост. И поэтому, несколько поиграв с Леной, пытавшейся рассмотреть на моей руке украшение, сознался, что я еще не женат.

—Ну вот! — сказала нарочито с обидой Елена Михайловна, а потом, склонившись к своей подруге и, пошептавшись с ней, выдала, — а вообще то не беда. Виктор Алексеевич хочет тебя взять к нам в институт, если конечно его переговоры пройдут удачно, тогда мы тебе тут у себя найдем такую невесту —пальчики

оближешь.

Я, согласился, и мы расстались. Встреча с друзьями меня несколько успокоила. В большей степени конечно новость, случайно высказанная Леной о том, что Виктор Алексеевич мне подыскивает место.

Устроиться в научно-исследовательский институт тогда было не легко и я, старался вести себя так, чтобы при увольнении получить с завода хорошую характеристику. Иначе у Виктора Алексеевича были бы со мной проблемы.

Но, дожидаться места, мне было не суждено. Встретившись как-то раз случайно в метро с товарищем по институту, с которым вместе мы учились, и, рассказав ему о своих проблемах, я неожиданно получил от него приглашение на работу.

Не долго думая, я написал заявление и ушел к нему. Моя жизнь резко изменилась. Положение в коллективе было спокойным. Хотя, конечно, моя роль в нем была не значительной и в полной мере соотносилась с моей низкой должностью инженера технолога. Это я понял уже потом, а пока был рад тому, что мне ни кто не мешал работать. Однако радость моя длилась не долго, отдавшись работе, я скоро был разочарован в ней, так как инженер на заводе, куда я перешел, полностью зависел от разработок выше стоящего над ним научно- исследовательского института.

Завод был военным и занимался выпуском ответственной продукции. Платили на нем приличные деньги. Вначале мне казалось, стоило за него держаться, но, проработав на нем несколько лет, я был вынужден признаться себе, что я напрасно поспешил. Лучше бы мне было остаться там, где я работал, и подождать приглашения от Виктора Алексеевича. Наука это наука, а не производство. Заниматься ею куда интереснее, чем

работать в заводских стенах, тем более таких, где шаг в сторону от предписаний считается нарушением технологии.

Заметив мое уныние, мой товарищ сказал:

—Да, Петр Петрович видно вы исчерпали себя и вам у нас с каждым днем становиться неважготу. Так бывает. За границей хороший специалист это тот, который не сидит более пяти лет на одном месте. Сколько вы уже у нас?

—Пять лет! — ответил я.

—Тогда решайтесь! — сказал он. — Нового места я вам сейчас предложить не могу и когда это случиться, не знаю. Я бы сам с удовольствием куда-нибудь перешел, но завод мне бросать не хочется. Я на нем, прежде чем стать начальником цеха, начинал с рабочего. К тому же здесь коллектив хороший. Домой я не прихожу разбитым.

Я тоже домой уходил спокойным. Однако состояние, которое я, испытывал, общаясь в коллективе, чем-то напоминало знакомое мне по службе в армии. Его можно было терпеть, но не долго и как в армии солдат думает о «дембеле» я, впадая в уныние, мечтал об увольнении, ругая себя за опрометчивость. Будь я поумнее, может быть все было иначе. Что я так уж и постоянен. Да и Лидия Ивановна тоже наверняка бы сломалась, стала другой. Глядишь, мы бы и нашли с ней общий язык.

После не долгих размышлений я решил сходить на завод побывать в термическом цехе, в котором когда-то работал и, конечно же, зайти в отдел Главного металлурга, навестить Анатолия Никитича.

Однако когда я набрал номер телефона лаборатории, то узнал, что он в отделе Главного металлурга уже не работает. Правда, с завода Анатолий Никитич не уволился. Через справочную, которые имеются на многих

крупных предприятиях я, получив о нем сведения, созвонился и в скором времени поехал его навестить.

Анатолия Никитича было не узнать. Он, хотя и раньше не был худым, еще больше округлился. По моде шитый серый костюм, если его не застегивать на пуговицы, сидел на нем элегантно. Глядя на него, я бы опроверг поговорку, говорящую о том, что не место красит человека. Его, Анатолия Никитича, место заместителя начальника центральной заводской лаборатории по термической обработке красило и еще как.

Встретил меня Анатолий Никитич у проходной. Извинившись, он по дороге забежал на минуточку в канцелярию за почтой и затем уж повел меня к себе в кабинет. Когда мы вошли в небольшую довольно уютную комнату Анатолий Никитич, показав мне рукой на одно из кресел для посетителей, вальяжно развалился в другом, стоящем рядом, заставив его жалобно заскрипеть.

Немного помолчав, он принялся расспрашивать меня о моей новой работе. Я несколько чувствовал себя неудобно. Мы давно не виделись, и мне было трудно сориентироваться как себя вести. Анатолий Никитич же напротив был оживлен и с удовольствием делился со мной новостями. Он похвалил меня за то, что я не стал тогда держаться за свое место и ушел.

— Я, можно сказать, глядя на тебя, — сказал Анатолий Никитич, — тоже бросил свою должность и, не жалею. Правда, этому предшествовала моя женитьба. Все получилось как-то случайно, но удачно. Женой я доволен. И даже можно сказать счастлив. В скором времени жду пополнения — сына. — И он улыбнулся.

Его слова несколько ободрили меня. Жаловаться, я посчитал делом неудобным. Говорить, я мог только лишь о

хорошем. Однако настроение мое не соответствовало настроению Анатолия Никитича и, поэтому я больше держал язык за зубами, он же не молчал:

— По долгу службы, — продолжал Анатолий Никитич, — я часто бываю в своей бывшей лаборатории. Сам знаешь, ситуация там не из легких. Одна Лидия Ивановна чего стоит. Однако, как ни странно все стало выправляться. Правда, после того, когда кроме тебя и меня из лаборатории еще уволилось несколько человек. Нину Павловну, помнишь, маленькую круглую женщину с мужским голосом? Ну, ту, что не уступала Лидии Ивановне. Так вот она тоже ушла! — Он помолчал, — если бы я был не металловедом, а астрономом я бы сказал, что началось формирование новой системы.

Не сразу, конечно, по прошествии времени, сравнение коллектива с системой, высказанное Анатолием Никитичем мне понравилось. Благодаря этому новому понятию, я осознал, те преобразования, которые должны были происходить в лаборатории после ухода из нее неординарных личностей, себя я к ним не причислял, а вот Анатолия Никитича ставил на первое место.

Из небытия, хаоса, коллектив должен был снова возродиться. Правда, не обязательно в новом своем качестве, так как Лидия Ивановна ни куда не уходила и продолжала в нем трудиться.

Побывав, у Анатолия Никитича я, конечно, не ушел с завода сразу, а спустился по лестнице в термический цех. Буквально через пять-десять минут мне стало понятно, что делать в нем нечего, так как говорить мог я только о прошлом. Для будущего мой разговор значения не имел. Поэтому я, попрощавшись с бывшими друзьями, снова поднялся на второй этаж, и пошел в термическую

лабораторию.

Лидия Ивановна встретила меня настороженно. Возможно, она боялась моего возврата, так как место начальника лаборатории не было занято, да и не только оно. Возможность прийти в лабораторию у меня была. В разговорах с друзьями на их предложение вернуться обратно на завод, я соглашался, однако в душе понимал, что все это нереально. Участвовать в восстановлении той системы, которая была, мне не хотелось. Уверенности в том, что могло получиться какое то новое образование, не было. Может быть потому, что я был на тот момент еще не женат и боялся подобно Анатолию Никитичу оказаться в роли «петуха».

Наверное, он был прав, когда решил вдруг уйти из отдела. Его слова, когда я сообщил ему о своем намерении побывать в лаборатории, были можно сказать напутствием мне.

—Петр Петрович, извините, что я был слишком разговорчив и невнимателен. Все больше говорил о себе и о себе..., — сказал он, когда я поднялся с кресла, — однако, чувство у меня такое, что вы снова на распутье. Специалист вы толковый, но характер у вас мягкий. Возможно, что вас попытаются взять на мое место. Не торопитесь, сто раз подумайте, прежде чем сделать... — он неожиданно стал серьезным. — Ни шагу назад, ни шагу, запомните.

И я, помня о его предостережении, подобно ему решил образумиться, пока любимая девушка не устала ждать. Скоро и у меня на правой руке появилось золотое кольцо.

Женитьба меня несколько успокоила. Теперь я уже в случае возврата на завод не мог себе гарантировать центральное место в коллективе, которое не так давно

занимал Анатолий Никитич. Даже в том случае если бы я и пришел на должность начальника лаборатории.

Семейные дела отвлекли меня, наполнив мою жизнь новыми событиями. Однако не надолго. Скоро я, снова был вынужден гнать от себя мысли о незначительности своей роли в коллективе, где я работал и о примитивности своих обязанностей, связанных с занимаемой мной должностью.

Звонок Виктора Алексеевича меня несколько подбодрил. Узнав от меня новость о женитьбе, он поздравил с обзаведением семьи, затем сказал, что Елена Михайловна и Марина Сергеевна будут рады это услышать. А в конце разговора попросил меня подыскать специалиста, вдруг у меня кто-нибудь есть на примете. Ему в сектор требовался толковый парень, способный не только ездить в командировки, но и в случае необходимости подменять его.

Я вначале не придал особого значения его звонку и со временем забыл о нем. Но Виктор Алексеевич был настойчив и позвонил мне вторично. Так как вопросом подбора специалиста я не занимался, то ответил ему просто:

— Не знаю, кого и предложить? Может быть себя?

— А что подумай, — сказал он. — Должность приличная: научный сотрудник. Оклад тоже хорош. Есть перспектива, если конечно пойдешь учиться в аспирантуру. Работу ты знаешь. Я тебя возьму.

Вечером, рассказав о предложении Виктора Алексеевича жене, я вдруг решил: была, не была, и ушел с завода.

Освоился я на новом месте довольно быстро. Благодаря мини коллективу, одним из членов которого я был, чувствовать каких-либо неудобств мне не пришлось.

Работа меня тоже устраивала.

В том же году, хотя мой стаж в институте и был невелик — всего несколько месяцев, я, оформив необходимые документы, поступил на заочное отделение в аспирантуру. Правда, характеристику при оформлении документов я получил досрочно за будущие заслуги. Конечно, при ее получении были трудности, но мой коллектив буквально весь подписался под ходатайством, срочно по данному поводу, написанному на имя директора института, и успех был предопределен.

На предыдущем месте работы о таком поступке коллектива я и мечтать бы не мог, а тут вдруг все без исключения помогли, даже почти незнакомые мне люди.

Освоившись, благодаря Виктору Алексеевичу с новой работой я окруженный Еленой Михайловной и Мариной Сергеевной довольно быстро утвердился и в своей негласной роли, которую мне приходилось выполнять еще на заводе, но конечно не в лаборатории, а в нашем мини коллективе. Странно, но я часто бывая неспособным оградить себя от скандалов, научился оберегать от них свой мини коллектив. Конечно здесь обстановка была здоровой, но как и в любом обществе жизнь была не без проблем. Поэтому моя негласную роль, сродни должности врача психотерапевта скажу, без преувеличения была востребована. К тому же она была для меня похвальной. Правда, если пациент — член нашего коллектива не был в полной прострации. Тут уж помочь мог только наш негласный начальник. Я его обнаружил не сразу, разыскивая как-то по работе Виктора Алексеевича. Не найдя его, я хотел уже было обратиться к заведующему отделом Александру Сергеевичу. Однако кто-то посоветовал подойти к Валерию Николаевичу. Он хотя и

не был начальником, но во многом оказался мне полезным. Тогда то я и узнал, что полезным он был не только мне, а и многим членам нашего большого коллектива. А уж в общественных мероприятиях, когда мы помню, очень часто ходили на всевозможные демонстрации, на овощные базы, ездили на уборку урожая в колхозы он, как мне кажется, был главнее начальника отдела. Только после его слов, сказанных им вслед за словами Александра Сергеевича:

—Ладно, ребята, чего стоять? Надо дело делать! — коллектив начинал действовать.

Был у нас не только начальник способный организовать дело, повести за собой людей, но и человек, с помощью которого любые начинания Валерия Николаевича хорошо заканчивались. Это — Беатрисса Викторовна, женщина, отказать которой было почти невозможно. Она не раз давала мне поручения, которые я легко и с удовольствием выполнял. Но я не только был исполнителем. Порой, мне приходилось просить о помощи и ее, редко, конечно, на прямую, больше через Валерия Николаевича. Для нее он был авторитет, хотя она и работала в секторе Виктора Алексеевича. Сплотила их одна общая работа, в которой Валерий Николаевич был руководителем договора.

На эти две очень важные в любом коллективе должности у нас ни кто не посягал. Заменить их было не легко хотя бы из-за того, что Валерий Николаевич в силу своего характера был добрым бесхитростным пронырой, а Беатрисса Викторовна добросовестным исполнителем, способным подключить к делу нужных людей. Роли других членов коллектива были тоже важными, но конечно менее чем их. Тут были как в любой системе все необходимые для функционирования планеты большие, малые, даже

свои кометы, не говоря об астероидах и прочих небесных телах.

Например, Елена Михайловна занимала наряду с должностью младшего научного сотрудника и должность оппонента не зависимо от того, какие вопросы решались в коллективе. Ее объемные доходчивые доводы многих наших сотрудников заставляли задуматься, прежде чем начать выполнять ту или иную работу. Некоторые из них потом нуждались в моей успокоительной речи.

Марина Сергеевна та была проще. Но, тем не менее, ее роль также была благодетельна. Так как она была способна, отошедшего от моего стола успокоившегося коллегу развеселить своими нескончаемыми прибаутками.

Были в отделе и такие «планеты» от влияния, которых жизнь казалось никчемной. Но с такими людьми я старался не контактировать, ну разве, что ради интереса, шлифуя свою роль врача-души.

Наблюдая, за жизнью отдела, да и не только, но и в полной мере, участвуя в ней, я сто раз убеждался в правоте Анатолия Никитича, рассуждавшем о коллективе, как о какой-то системе. Сформировавшись, он, как система способен на многое. Человек в таком коллективе готов вершить большие дела. Не зря же я, воспрянув, довольно быстро поступил в аспирантуру, без трудностей выбрал себе направление и с удовольствием занялся работой.

Направление мое было перспективным. Я посягал «на святая святых» —хотел заменить масло, используемое при закалке деталей, на негорючую охлаждающую жидкость, позволявшую в будущем значительно улучшить не только экологическую обстановку на машиностроительных заводах, но и поднять качество продукции.

Работу я выполнял самостоятельно, хотя время от времени были у меня и помощники. Я от них не отказывался, однако особо их не нагружал. Кроме проведения исследований, связанных с разработкой новой закалочной среды я по возможности участвовал и во многих других работах.

Защита моей диссертации состоялась в то время, когда уже начались изменения, связанные с перестройкой экономики страны. Так как мое направление было актуальным я, хотя и с трудом, но все-таки находил работу и привозил в институт, подписанные договора. Многие из моих коллег были вынуждены уйти из института. Причиной их увольнения было сокращение штатов. К тому времени я стал уже опытным специалистом и имел основание работать самостоятельно. Однако Виктор Алексеевич был для меня авторитетом и с ним я отношений не порывал.

Под сокращение штатов попала и моя хорошая знакомая Марина Сергеевна. Через год вопрос об увольнении встал и перед Еленой Михайловной. Однако она порывать с институтом не желала и поэтому согласилась посидеть дома, оформив заявление на отпуск, без содержания.

Наш коллектив трещал по швам. Однако костяк его все же сохранялся. Валерий Николаевич, Беатрисса Викторовна, Виктор Алексеевич были на месте. Мы, как нам не было трудно, старались держаться друг за друга. Даже с уволившимися поддерживали связи: звонили им, приглашали их к себе в гости на праздники, интересовались их судьбой, навещали их, всячески как могли, помогали, если была в том необходимость.

Жизнь стала совсем другой для многих непонятной,

требующей разъяснения. И главное, что мы делали — это держались друг за друга.

Потеря коллектива для многих моих коллег была губительной.

Как-то однажды посетив нас, Марина Сергеевна, не сдержавшись в доверительной беседе, рассказала мне о том, что устроилась на новом месте не очень хорошо. В колледже, где она работала после ухода из института преподавателем, у нее постоянно возникали стычки с новыми коллегами из-за дележа часов. Прощаясь, она махнула мне рукой:

—Держись Петр Петрович! Сейчас трудно, зарплата сам знаешь, многое значит, но не спеши уходить, лишний раз подумай. Посмотри, вокруг себя, где ты найдешь еще таких верных для себя друзей. Любой из них и Виктор Алексеевич и Валерий Николаевич и Беатрисса Викторовна, всех перечислять не буду — готов прийти на помощь. А мне кто может помочь там у нас? Ни кто. Я постоянно испытываю на себе давление своих новых коллег, чего не было в институте. У вас я просто отдыхаю.

Ее слова заставили меня задуматься. Может быть, благодаря ей, я, когда в институте было тяжелое положение: нам долгое время не платили зарплату, удержался и не ушел. Правда, помог мне тогда Виктор Алексеевич. Ему в то время кто-то из знакомых предложил временно поработать на заводе в термическом цехе. Так как мой начальник не мог все время отдавать работе на стороне, он договорился со мной. Установив очередность, мы с ним не один месяц совмещали научную работу с работой рабочего термиста. В будущем, когда из нашей лаборатории ушло много рабочих, наш опыт пригодился.

Всего мне о себе тогда Марина Сергеевна не

рассказала. Ее дополнила Елена Михайловна, когда я по просьбе Беатриссы Викторовны позвонил ей домой, чтобы узнать у нее, что ей помешало прийти навстречу к нам согласно состоявшейся ранее договоренности.

Извинившись, и сославшись на то, что ей в тот день нездоровилось, Елена стала расспрашивать у меня о жизни в отделе. Не забыла она поинтересоваться и о бывших сотрудниках приходивших к нам в гости. Узнав, что я видел Марину, она, не удержавшись, поведала мне о том, что у нее не все в порядке в семье. Из-за сложностей на новой работе и скандалов, ее характер до неузнаваемости изменился. Она замкнулась в себе. Ее новое состояние, так подействовало на мужа, что он от нее ушел.

—Еще бы не уйти, — кричала в трубку Елена Михайловна; слышимость была плохой. — Он, возвращаясь с работы постоянно издерганным, искал успокоения в семье, а его не было. Это раньше Марина, когда работала в институте, была весела и могла своими прибаутками как-то скрасить ему жизнь. Но то время прошло.

Теперь я понимал, что, переходя с места на место, я невольно стремился не только найти для себя интересную работу, но и коллектив, свою систему, в которой мог бы чувствовать себя комфортно. Вначале влившись в нее, в качестве ни чего не значащего астероида, я со временем приобрел ощутимый вес, стал планетой. Мое благополучие не только на работе, но и дома в семье во многом обязано было благополучию в коллективе.

Мои размышления еще больше укрепились, когда я узнал вдруг о проблемах самой Елены Михайловны. Она без стеснения говорила о Марине Сергеевне, стараясь молчать о себе.

Но как-то раз, появившись у нас в гостях, Елена Михайловна не сдержавшись, со слезами на глазах, поведала о том, во что было трудно поверить. Оказалось, что у нее такое же положение, как и у ее подруги. И даже более серьезное, так как она из года в год продлевая свой отпуск без содержания, из-за боязни, в какой то момент быть уволенной с института, решила на рождение второго ребенка. Иметь в наше время маленького ребенка на руках и воспитывать его без мужа сравнимо с подвигом, на такое могла решиться не каждая женщина.

Я долго размышлял о причине такого поворота в жизни. Моя роль, выполняемая в коллективе, благостно действовала не только на моих коллег, но и на мою жену. Она работала учительницей в школе и часто приходила домой взвинченной.

—Ты мой терапевт, — говорила она мне, чтобы я без тебя делала.

Елена Михайловна, как известно, выполняла роль оппонента. Возможно, в институте в большом коллективе ее миссия была и полезна, а вот дома, если она не наговорив определенный «километраж» встречала вечером с работы мужа — вряд ли. Наверняка, причина его ухода была связана не с женщиной, все гораздо серьезнее.

Однажды я, не утерпел и чтобы лучше понять положение, сложившиеся в семье Елены Михайловны обратился Беатриссе Викторовне. Зная о ее роли в институте я стал расспрашивать у нее о том, что она делает дома. И каково было мое удивление, когда я услышал, что Беатрисса Викторовна в кругу семьи — всего на всего хорошая домохозяйка. Выходит она устает от своей деятельности на работе и дома сама согласна

подчиняться кому угодно мужу, сыновьям, своей матери. Теперь мне было понятно, почему у нее в праздничные дни вовремя организации стола наряду с указаниями кому, что делать довольно не плохо получались салаты.

После рождения сына Елена Михайловна уже не могла к нам часто приходить. И мы, сбросившись, кто, сколько мог дать, в это трудное время денег, ехали на рынок. Там покупали необходимые подарки и затем отправлялись уже к ней в гости.

Наиболее понятным положение нашей сотрудницы стало нам тогда, когда мы: Виктор Алексеевич, Беатрисса Викторовна и я, встретились с ее мужем, Александром Георгиевичем, высоким красивым шатеном. Он появился, когда мы уже собирались уходить. Задерживаться он не хотел, вручив Елене Михайловне деньги, по нашим понятиям достаточно солидную сумму Александр Георгиевич вместе с нами вышел на улицу.

По дороге к остановке мы разговорились. Александр Георгиевич раньше работал на заводе, уволившись благодаря своей знакомой, которую Елена Михайловна считала его любовницей, нашел приличное место в авторемонтной фирме. Многие из слов когда то с плачем выброшенных на нас Еленой Михайловной странным образом переплетаясь с действительностью, оказались просто чепухой.

Александр Георгиевич, покинув Елену Михайловну жил в доме своих родителей. Там он отдыхал душой. Постоянные с ее стороны нотации его просто доставали. Вначале он старался ее как-то урезонить, затем было время — не реагировать, но Елена Михайловна не унималась и вела себя все хуже и хуже. Ей казалось, что муж ее не понимает. Однажды она, когда Александр

Георгиевич совсем перестал с ней разговаривать, свихнулась и ударила его попавшейся под руку сковородкой. После случившегося эксцесса, он ушел.

—Теперь, — сказал Александр Георгиевич, — она сама с собой разговаривает. Дочь нашу вы видели, она уже большая, та не выдерживает и уходит из дома. Сын тот не понимает — еще мал. Вот весь день она и ходит с метлой и все говорит и говорит. А толку от этого, ни какого. Только хуже и ей и мне — всей семье.

Мне, да и не только мне было жалко Елену Михайловну. Ее нужно было спасать. Она просто могла сойти с ума.

Для меня это все было непосильным трудом. Одно дело успокоить кого-нибудь на работе, проявив свои, когда-то замеченные друзьями на заводе способности, другое — помочь разрушенной семье.

Однажды мы все пили наш трехчасовой чай, и Валерий Николаевич вдруг сказал:

—Как хорошо было раньше лет десять назад.

—Да! — ответил ему Виктор Алексеевич, — только нас было не раз, два и обчелся, а значительно больше и он принялся перечислять, называя давно ушедших наших товарищей.

Этот трехчасовой чай натолкнул меня на мысль, а что если Елене Михайловне после декретного отпуска по уходу за ребенком снова вернуться на работу. Кто знает, может быть «лед тронется» и ее положение измениться. Пусть она снова у нас будет оппонентом. Хотя нас и мало, но мы так закалились за это трудное время, что выдержим ради спасения нашего товарища что угодно.

Прошло несколько лет. Не знаю, как нам удалось Елену Михайловну вытащить на работу. Зарплаты наши были

мизерными. Условия труда постоянно нарушались. Наукой мы почти не занимались. Однако держались, используя свои старые научные разработки, и не плохо сохранившееся оборудование — занимались термической обработкой деталей. Рядом с нами была и наш оппонент. Она медленно, но все-таки входила в свою прежнюю роль.

Как-то глядя на Елену Михайловну, я сказал Виктору Алексеевичу:

— Вот бы сейчас к нам Марину Сергеевну. Она бы подняла бы нам настроение.

— А что, — ответил он, — давай позвоним. Еще один человек нам не помешает. Рабочих не хватает. Только не знаю, согласится она, нужно не только разрабатывать технологию, но и заниматься тяжелой работой.

Марина Сергеевна согласилась. Через месяц Елену Михайловну было не узнать.

Однажды я вместе с ней шел со смены домой. Мы разговорились.

— Петр Петрович, как ты думаешь, почему я снова в этих стенах?

Ты, наверное, считаешь, что я поддаюсь вашему коллективному нажиму? Нет! Хотя я согласна, что ты правильно мне советовал отдать сына в детский сад и выйти на работу. — Я попытался ответить ей, но она, перебив меня, продолжила, — Все, что ты не скажешь, будет не верным. Меня убедила вернуться цыганка.

— Как цыганка? — воскликнул я, — не может быть.

— А вот может! Было это зимой. Я, оставив сына с дочерью, побежала в магазин. Дома хоть шаром покати. Нужно было купить хотя бы молока сыну. Метель била прямо в глаза. Я шла почти в слепую, закрывшись от непогоды платком, и вдруг почувствовала, что с кем-то

столкнулась. Когда, открыв платок, взглянула, увидела женщину с черными, как смоль глазами.

—Как у тебя? — спросил я.

—Да, как у меня! Ты, сказала она мне, уже ничего не видишь. Вернись назад и начни сначала. Тобой черт крутит. Не поддавайся ему. И сгинула. Я тогда долго стояла. Чуть было не замерзла. Какой-то мужчина, проходивший мимо задел меня плечом, я, очнувшись, пошла в магазин. Вернувшись, домой я, часто думала о той встрече. Да и сейчас нет-нет и вспоминаю. Моя мать ведь была цыганкой. Уж не она ли тогда, вернувшись с того света, спасла меня.

Я задумался, может Елена Михайловна и права. Не умоляя нашу роль, в оказании ей помощи, она поведала мне такое, во что трудно было поверить и можно лишь списать на ее помутившийся в то время разум. Однако слова цыганки мне казались очень уж естественными. Сейчас в наше тяжелое время черт многими судьбами крутит. Люди просто обезумели в достижении любыми путями богатства. Не смотря ни на что, они готовы хитрить, обманывать, предавать не чужих, близких себе людей и даже убивать.

Хорошо, что жизнь у Елены Михайловны стала выравниваться. Муж, Александр Георгиевич теперь ее уже не сторонился и все чаще приходит навещать своего сына. Пройдет время, и они снова будут вместе. Может и у Марины Сергеевны жизнь тоже наладиться. Все покажет время. Дай то Бог.

Петр Сосновский,

Москва, 2000г.